Максим РУДНЕВ
Владимир МАГУН

Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран[1]

ВВЕДЕНИЕ

Тема ценностного консенсуса и ценностной дифференциации населения России является одной из центральных, как в дискуссиях политологов о целях и идеях, вокруг которых могли бы объединиться россияне, так и среди социологов, которые в своих объяснениях часто апеллируют к атомизации и разобщенности российского общества. В этих обсуждениях обычно отсутствует фактическая информация и приводятся лишь косвенные аргументы. Так, в качестве фактора ценностной дифференциации часто ссылаются на очень большую территорию страны, а в качестве аргумента в пользу консенсуса – на сравнительно низкие значения показателей этнической, языковой и религиозной разнородности российского населения[2].

История вопроса. Большинство сторонников структурного функционализма рассматривали консенсус относительно базовых ценностей и норм как безусловное благо для существования общества. Толкотт Парсонс поставил ценности и нормы в центр дискуссии о консенсусе и утверждал, что именно ценностно-нормативный консенсус в обществе обеспечивает социальный порядок[3]. По его мнению, максимальное распространение не находящихся в конфликтных отношениях, потенциально примиряемых базовых ценностей и норм, а в идеале – их институционализация, может обеспечить согласие в обществе, его стабильное и четкое функционирование. Акценту Парсонса на стабильность его критики противопоставляли идею динамики и развития – с их точки зрения для развития общества необходимо именно столкновение различных ценностей и интересов. Сам Парсонс тоже рассматривал дифференциацию ценностей и норм как основную тенденцию социально-эволюционного процесса, но обязательно при условии поддержания основ социального порядка, строящегося на консенсусе базовых ценностей.

Термином *ценностный консенсус* обозначаются различные феномены. Один из них выражается в согласии индивидов внутри сообщества *с неким утверждением* (Парсонс, Шилз и другие структурные функционалисты), и в этом случае речь идет о степени сходства в данном сообществе мнений или оценок без учета того, осознают ли сами индивиды сходство или несовпадение своих мнений и оценок. Данная трактовка термина отличается от интеракционистской традиции (Дьюи, Мид), в рамках которой консенсус определяется в более рефлексивном ключе, предполагающем осознание людьми или группами своего согласия или разногласий, а часто и процесс их взаимодействия между собой, в ходе которого данное согласие формируется. В этом случае подчеркивается согласие индивидов *между собой*[4]. Этот второй, рефлексивно-коммуникативный аспект консенсуса, мы в данной статье не рассматриваем (он активно разрабатывается в исследованиях социальной идентичности) и ограничиваемся трактовкой консенсуса как степени сходства разделяемых людьми ценностей. Антонимом такого понимания консенсуса является ценностная дифференциация, или разнородность.

В большинстве эмпирических исследований ценностный консенсус измеряется величиной *различий* между ценностями индивидов или социальных групп, входящих в то или иное сообщество. Высокие значения этой величины указывают на меньший, а низкие – на больший ценностный консенсус.

[1] Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2009 году. Авторы признательны Ш. Шварцу (S. H. Schwartz) и Д.Г. Подвойскому за ценные замечания и предложения по содержанию статьи.

[2] Показатели фракционализации основаны на соотношении численности различных этнических, религиозных или лингвистических групп внутри страны. См.: *Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S. and Wacziarg R.* Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Volume 8, № 2. P. 155–194.

[3] *Parsons T.* The Social System. Glencoe: Free Press, 1951. P. 12, 36–37.

[4] *Scheff T.J.* Toward a Sociological Model of Consensus // American Sociological Review. Vol. 32, № 1, Feb. 1967. P. 32–46.

В случае, когда оценивают различие/сходство ценностей *между социальными группами*, исследователи вычисляют разброс *групповых средних* внутри какого-то большого сообщества. Такой подход к оценке дифференциации/консенсуса базируется на допущениях о том, что общество структурировано определенным образом и что внутри выбранных для анализа групп индивиды не различаются по ценностям. Ценностный консенсус в этом случае тем выше, чем меньше разница («ценностная дистанция») между средними значениями ценностей в рассматриваемых группах, а максимален он тогда, когда различия между этими средними вообще отсутствуют.

В рамках данного подхода На и Дукитт по оригинальной методике сравнивали четыре группы южнокорейских респондентов, выделенных по полу и возрасту. Консенсус (то есть отсутствие различий) между различными возрастными и гендерными группами был обнаружен только по ценностям Конформности и Благожелательности. Авторы также продемонстрировали, что гендерные различия по ценностям Открытости изменениям, Исключительности и Самостоятельности исчезают в более старших возрастных группах[1]. Горяинов разработал метод классификации ценностей на основе их значимости[2]. Воспользовавшись этим методом, Лапкин и Пантин сравнили значимость различных ценностей в профессиональных и социально-демографических группах (они использовали данные ФОМа, собранные в 1993-1996 гг.). Авторы пришли к выводу, что российское общество «является далеко не столь расколотым, как это иногда представляется» и что «основная линия размежевания... проходит между “элитообразующими” и “массовыми” группами», в заключение авторы даже предполагают, что именно в этом «кроется фундаментальная особенность России в сравнении с Западом»[3]. Урнов с соавторами, основываясь на данных Международной программы социальных опросов (ISSP 1996 и 2006 гг.), операционально определили ценностный консенсус как ценностную дистанцию между «белыми воротничками» и «рабочим классом», и с помощью этого показателя обнаружили, что межклассовый консенсус в России существенно выше, чем в США, Германии и Латвии. Авторы также нашли частичное подтверждение гипотез о влиянии внутристрановой ценностной дифференциации на последующие ценностные изменения в стране [4].

Другой подход к измерению консенсуса состоит в оценке различий/сходств ценностей *между индивидами*, принадлежащими к тому или иному сообществу, для чего используется показатель стандартного отклонения или другие показатели межиндивидуальной вариации.

Так, Ларсон и Саткер изучали ценности среди различных социально-профессиональных групп американцев и показали, что респонденты более низкого социально-профессионального уровня более однородны в своих ценностях, чем респонденты более высокого статуса. Авторы объясняют обнаруженные факты тем, что более образованные американцы чаще состоят в различных ассоциациях, больше читают и имеют больше разных друзей, и поэтому их ценности оказываются более диверсифицированы[5].

Шварц и Саги на небольших выборках учителей из 42 стран показали, что ценностный консенсус, измеряемый с помощью стандартного отклонения, позитивно связан с уровнем экономического развития страны, но отрицательно – с уровнем демократизации. Речь идет о том, что экономическое развитие усиливает консенсус вокруг ценностей Открытости изменениям (Самостоятельности, Риска-Новизны и Гедонизма), Благожелательности и Власти-Богатства на всем множестве рассматриваемых стран, и только в группе экономически развитых стран экономическое развитие приводит к росту консенсуса по ценностям Сохранения (Безопасности, Конформности и Традиции). Что же касается уровня демократизации, то он уменьшает консенсус по всем ценностям, кроме тех, что относятся к категории Открытости изменениям[6].

Ау и Чеунг для обозначения межиндивидуальной дифференциации трудовой автономии

---

[1] *Na E.-Y., Duckitt J.* Value consensus and diversity between generations and genders // Social Indicators Research. 2003. Vol. 62, April. P. 411–435.

[2] *Горяинов В.П.* Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60-67.

[3] *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Ценности постсоветского человека. // Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М.: ИМЭМО РАН, 1998. С. 3-33.

[4] *Урнов М.Ю., Касамара В.А., Соболев А.С., Соболева И.В., Сорокина А.А.* Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики — построение эмпирической модели: препринт WP14/2011/01 [Текст] / Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. http://www.hse.ru/data/2011/04/28/1210637198/WP14_2011_01.pdf

[5] *Larson R.F., Sutker S.S.* Value Differences and Value Consensus by Socioeconomic Levels // Social Forces, Vol. 44, № 4 (Jun., 1966). P. 563–569.

[6] *Schwartz S.H., Sagie G.* Value Consensus and Importance: A Cross-National Study // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2000. 31. P. 465.

использовали термин «внутрикультурная вариация» (антоним консенсуса) и, рассмотрев значения этого показателя в нескольких десятках стран мира, заключили, что вариация трудовой автономии негативно связана со среднестрановым уровнем удовлетворенности работой и жизнью в целом. Авторы подчеркивают качественное отличие между средней для страны значимостью трудовой автономии и степенью ее внутристрановой разнородности[1].

Джейкоб совместил в своей работе оба упомянутых подхода к измерению консенсуса. Он изучал ценности политических элит, фиксируя как межиндивидуальный, так и межгрупповой разброс ценностей внутри политических элит четырех стран мира[2]. Автор приходит к выводу, что в целом, «силы дифференциации оказываются сильнее, чем социальная конформность», и что в различных странах консенсус среди политических лидеров возникает на основе разных ценностей.

Новый импульс изучению консенсусной проблематики придала недавняя работа Фишера и Шварца[3]. Используя три обширных базы международных исследований ценностей и несколько мер ценностной неоднородности, авторы провели систематическое сравнение внутристрановой и межстрановой ценностной дифференциации. Основной результат состоит в том, что *межиндивидуальная* ценностная дифференциация *внутри* стран значительно выше *межстранового* разброса между средними значениями ценностей, что лишний раз подчеркивает важность изучения внутристранового ценностного консенсуса.

Задачи и гипотезы. Российский ценностный консенсус изучался, в основном, путем сопоставления ценностей разных социальных групп. Межиндивидуальный консенсус изучался только в упоминавшейся выше работе Шварца и Саги в рамках предпринятого ими исследования учителей из 42 стран мира. Этих авторов интересовали связи консенсуса с уровнями экономического развития и демократизации страны, и в их задачи не входило сравнение России и других стран друг с другом. Примечательно, что в объяснениях, предложенных Шварцем и Саги, «направление причинных связей, которое предполагается в качестве основного, идет от социальной структуры к значимости той или иной ценности..., и далее – от значимости к консенсусу»[4]. Заметим, что этот тип рассуждений отличается от наиболее распространенного взгляда на консенсус как *независимую* переменную, влияющую на социальные процессы и структуры.

Настоящая работа посвящена решению двух задач. *Описательная задача* состоит в том, чтобы оценить степень межиндивидуального и межгруппового ценностного консенсуса в России и сравнить его с аналогичными показателями других европейских стран. *Объяснительная задача* заключается в том, чтобы проследить зависимость межиндивидуального консенсуса от макросоциальных обстоятельств, которые выражаются в консенсусе/дифференциации ценностей *между социальными группами,* образованными по классовому и возрастному признаку. (Заметим, что в большинстве предшествующих исследований межиндивидуальный и межгрупповой консенсус чаще всего изучались независимо друг от друга, мы же планируем эти два подхода объединить).

При выдвижении гипотез мы исходим из предположения о том, что основная причина различий по ценностному консенсусу между европейскими странами – это масштаб пережитых ими в последние десятилетия социальных изменений. В странах, подвергшихся масштабным социальным изменениям, появились категории людей, чьи базовые ценности отвечают новым социальным условиям, но сохранились также и те социальные группы, чьи ценности сформировались в прежних социальных условиях. Речь, прежде всего, идет о крушении социалистического устройства общества в странах бывшего соцлагеря – именно в этих странах можно ожидать наименьшего консенсуса и наибольшей ценностной дифференциации.

На основе этого предположения можно сформулировать первую гипотезу: *ценностный консенсус населения постсоциалистических стран (и России, в частности) ниже, чем в других европейских странах.*

Среди факторов внутристрановой ценностной дифференциации исследователи чаще всего указывают на социально-стратификационные (классовые) и возрастные различия. На важ-

---

[1] *Au K., Cheung M.* Intra-cultural Variation and Job Autonomy in 42 Countries // Organization Studies. 2004. 25(8). P. 1339–1362.

[2] *Jacob P. E.* The Limits of Value Consensus: Implications for Integration in Four Countries // International Studies Quarterly, 1971. Vol. 15, № 2 (June). P. 203–220.

[3] *Fischer R., Schwartz S.* Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources // Journal of Cross-Cultural Psychology. October 2011. Vol. 42, № 7. P. 1127–1144.

[4] *Schwartz S.H., Sagie G.* Value Consensus and Importance… P. 491.

ность социально-стратификационного фактора в ценностной дифференциации населения указывают политологи, в частности, Ларсон и Саткер, Лапкин и Пантин, Урнов и др. По их мнению, именно классовое размежевание наиболее существенно для дифференциации ценностей. В то же время, по данным Шварца, возрастные ценностные различия базовых ценностей являются одними из наиболее ярких в сравнении с другими характеристиками[1].

Мы предполагаем, что *ценностный консенсус между индивидами внутри страны в большей степени объясняется возрастными, нежели классовыми (социально-стратификационными) размежеваниями по ценностям* – это наша вторая гипотеза.

Формулируя эту гипотезу, мы исходим из того, что социальные изменения сказываются, в первую очередь, на межпоколенных различиях в ценностях. Базовые ценности, усвоенные индивидом на ранних этапах социализации, устойчивы к дальнейшим социальным изменениям, и поэтому ценности разных поколений оказываются своеобразным слепком с социальных эпох, в которые происходила основная социализация их носителей[2].

Третья гипотеза основана на полученных ранее выводах о том, что возрастные различия связаны, прежде всего, с различиями в значимости ценностей *Открытости изменениям – Сохранения*[3]. Это дает основания предполагать, что в тех странах, где социальные трансформации были велики, а значит, велики и межпоколенные различия, ценностная дифференциация населения будет проходить преимущественно по оси *Открытости – Сохранения*. Применительно к России, которая была ядром социалистической системы, различия между «новым» и «старым» порядком являются максимальными, и, соответственно, можно ожидать, что и дифференциация населения по ценностям ***Открытости – Сохранения*** окажется в России наибольшей, а ценностный консенсус – наименьшим. Итак, можно сформулировать гипотезу, состоящую в том, что *внутристрановая ценностная дифференциация в России и других постсоциалистических странах проходит преимущественно по ценностям Открытости изменениям – Сохранения.*

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И ПОКАЗАТЕЛИ

Для изучения ценностной дифференциации были использованы массивы ЕСИ – Европейского социального исследования (European Social Survey)[4] и ВЦО – Всемирного ценностного опроса (World Values Survey)[5], в которые входят ценностные блоки, разработанные на основе теории Ш. Шварца[6]. Выборка ЕСИ включает 33 страны, в 28 из них данные были собраны в 2008 г., в Австрии и Ирландии – в 2006 г., в Исландии, Италии и Люксембурге – в 2004 г. Общий объем выборки составляет 61359 респондентов, в том числе в России 2505 респондентов. Данные ВЦО были собраны в 2005–2007 гг. в 51 стране, общая выборка составляет 70915, в том числе в России 1919 респондентов[7].

В ЕСИ была включена более обширная, чем в ВЦО, методика, надежнее измеряющая ценности, поэтому этот массив данных стал основным для нашего исследования. В ЕСИ используется версия Портретного опросника Шварца, состоящая из 21 ценностного портрета. Каждый

---

1 *Schwartz S. H.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations / In Roger Jowell, Caroline Roberts, Rory Fitzgerald & Gillian Eva, Eds. // Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey. London: Sage. 2007. P. 169–203.

2 *Inglehart R.* 1) The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles. Princeton: Princeton University Press, 1977; Modernization and postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1997; *Alwin D.* Cohort replacement and changes in parental socialization values // Journal of Marriage and the Family. Vol. 52 (May 1990). P. 347–360; *Alwin D.F., Krosnick J.A.* Aging, cohorts and the stability of sociopolitical orientations over the life span // Amer. J. of Sociology. 1991. V. 97. № 1 (July). P. 169–95; *Alwin D., Scott J.* Attitude change: its measurement and interpretation using longitudinal surveys // B.Taylor, K.Thomson (eds.) Understanding change in social attitudes. Darthmouth: Aldershot et.al., 1996; *Giuliano P., Spilimbergo A.* Growing up in a recession: Beliefs and the macroeconomy. Working paper 15321. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA., 2009; *Дубин Б.В.* О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. II / Под общей ред. Т.И.Заславской. М., 1995. С. 237–247; *Гордон Л.А.* Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 5. С.17–23.

3 *Магун В.С., Руднев М.Г.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 33–58.

4 ЕСИ в России проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), национальный координатор – канд. полит. н. А.В. Андреенкова. См. сайт ЕСИ: http://EuropeanSocialSurvey.org, российский сайт ЕСИ – http://ess-ru.ru.

5 ВЦО-2006 в России проводилось компанией «ГфК-Русь», http://WorldValuesSurvey.org

6 *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / Ed. by M. Zanna. — New York: Academic Press, 1992. — Vol. 25. P. 1–65.

7 Далее для простоты мы будем называть эти опросы ЕСИ-2008 и ВЦО-2006, поскольку бóльшая часть данных была собрана, соответственно, в 2008 и 2006 гг.

из портретов респонденту предлагается оценить по степени сходства с собой[1].

На основе Портретного опросника в массиве ЕСИ можно вычислить 10 ценностных индексов, заложенных туда Шварцем. Однако недавнее методологическое исследование показало, что наиболее надежно данная методика диагностирует лишь 7 ценностных индексов, полученных частичным укрупнением изначальных десяти[2]. Вот эти ценности: Безопасность, Конформность-Традиция, Самостоятельность, Риск-Новизна, Гедонизм, Забота о людях и природе, Самоутверждение[3].

Кроме того, Шварцем были предложены две ценностные оси, которые строятся на основе 7 (или в исходном варианте 10) ценностных индексов[4]. Первая ось называется *Открытость изменениям – Сохранение*, она противопоставляет ценности Самостоятельности, Риска-Новизны и Гедонизма ценностям Безопасности и Конформности-Традиции; вторая ось называется *Забота о людях и природе – Самоутверждение* и противопоставляет одноименные индексы. Мы используем несколько измененный вариант этих осей, поскольку получаем их не простым сложением ценностных индексов, а с помощью факторного анализа 21 исходной оценки, который дает три устойчивых фактора. Первый из них отражает общий стиль ответов респондента и для аналитических целей не используется, а второй и третий – воспроизводят две ценностные оси, выделенные Шварцем[5].

Для дополнительного содержательного анализа мы также будем использовать и исходные ответы респондентов на анкетные вопросы, на основе которых формировались описанные выше ценностные индексы.

Таким образом, мы будем оперировать, в основном, двумя наборами ценностных показателей различного уровня обобщения, измеренными в ЕСИ: 7 ценностными индексами и индивидуальными значениями по двум интегральным факторным осям.

В дополнение к ЕСИ, используются также данные Всемирного ценностного опроса, в анкету которого в 2005-2007 гг. была включена сокращенная версия Портретного опросника Шварца. Поскольку в анкете ВЦО было всего 10 вопросов вместо 21, то для анализа этих данных мы будем использовать только наиболее обобщенные показатели – две ценностные оси, полученные с помощью факторного анализа. Из-за отличий в наборе исходных показателей структура факторов ВЦО не полностью совпадает с той, что получена по результатам ЕСИ, однако общий смысл факторов остается тем же[6].

Мера ценностной дифференциации/консенсуса. В качестве меры ценностной дифференциации/консенсуса среди жителей данной страны мы, вслед за авторами ряда предшествующих исследований (Шварц, Саги, Ау, Джейкоб и др.), будем использовать стандартное отклонение от средней по стране: чем больше стандартное отклонение – тем выше внутристрановая ценностная дифференциация и,

---

[1] Респондентам предлагалось 21 описание людей, характеризующихся теми или иными ценностями, и каждый из этих портретов респондент должен был оценить по шестибалльной шкале: «очень похож на меня» (6 баллов), «похож на меня» (5 баллов), «довольно похож на меня» (4 балла), «немного похож на меня» (3 балла), «не похож на меня» (2 балла), «совсем не похож на меня» (1 балл). В статье бóльшая значимость ценности обозначается и более высоким баллом (в анкете ЕСИ и в исходном массиве данных ЕСИ нумерация пунктов этой шкалы иная). Например, ценностный индекс «Безопасность» строился на основе оценок респондентом двух ценностных портретов: «Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности» и «Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан». Полный список предложенных респондентам ценностных портретов и построенных на их основе ценностных показателей см. в: *Магун В.*, *Руднев М.* 1) Жизненные ценности российского населения; 2) Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики, 2010. №12.

[2] *Davidov E., Schmidt P., Schwartz S. H.* Bringing Values Back In: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly. 2008. Vol. 72, № 3. P. 420–445.

[3] Семь ценностных индексов перед использованием подвергались рекомендованной Шварцем процедуре центрирования. См. ее описание в: *Магун В.*, *Руднев М.* Жизненные ценности российского населения.

[4] *Schwartz S. H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. // Advances in experimental social psychology. / Ed. by M. Zanna. — New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

[5] Факторная структура ценностных осей сложнее, чем структура арифметических осей, она включает также некоторые дополнительные, менее значимые нагрузки, подробнее см.: *Магун В.*, *Руднев М.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 44. http://www.hse.ru/data/2010/11/09/1223233543/WP6_2010_03-fff.pdf Преимущество факторных осей перед арифметическими в том, что они ортогональны, т. е. не связаны между собой, а значит, отражают принципиально различающиеся ценностные области. Поскольку ценностные оси не являются простой суммой (или разностью) тех компонентов, по именам которых они названы, то и «ведут» они себя иногда не так, как эти компоненты.

[6] Алгоритмы построения факторных индексов в ВЦО и матрицу нагрузок можно получить по запросу у авторов (из-за меньшей надежности, связанной с меньшим количеством анкетных вопросов, мы используем их лишь для проверки результатов ЕСИ).

соответственно, ниже консенсус[1]. При описании результатов мы будем также чаще использовать термин «дифференциация», напрямую соответствующий величине стандартного отклонения.

Для определения различий в степени дифференциации существует ряд статистических критериев, таких как F-тест на различия стандартных отклонений, или тесты Бартлетта и Ливиня на равенство дисперсий. Мы остановились на критерии Ливиня, проверяющем равенство дисперсий, поскольку он, в отличие, от F-теста и теста Бартлетта, более устойчив при сравнении выборок, в которых распределения рассматриваемого признака отличаются от нормального[2]. Тест Ливиня может быть применен и к проверке равенства стандартных отклонений, поскольку эти две меры вариации (дисперсия и стандартное отклонение) тесно связаны между собой.

Ценностная дифференциация и значимость (иногда говорят «субъективная значимость», или «субъективная важность») ценностей являются содержательно различными понятиями. На рисунке 1 представлены распределения индивидуальных значений респондентов по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение* в России и Турции. Средние показатели субъективной значимости этих ценностей не дают статистически значимых различий, но степень дифференциации по этим ценностям в России (стандартное отклонение 1,15), как видно из рисунка, существенно выше, чем в Турции (стандартное отклонение 0,69), и это различие статистически значимо по критерию Ливиня. Содержательные различия между значимостью и дифференциацией допускают наличие взаимосвязи: этот факт специально подчеркнули Шварц и Саги[3], отметив, что в международном массиве учителей корреляция между уровнем значимости и степенью дифференциации варьируется по разным ценностям от –.30 до +.58. Ниже мы остановимся на этих связях подробнее.

Чтобы определить факторы, отвечающие за ценностную дифференциацию населения *по определенным группам* внутри страны, будем использовать F-статистику. Она демонстрирует отношение межгрупповой дисперсии к внутригрупповой, то есть показывает во сколько раз различия между *группами* больше различий между *индивидами* в соответствующих группах. Так, F-статистика для возраста как фактора дифференциации будет показывать, во сколько раз ценностные различия *между* возрастными группами превышают различия между людьми примерно одного возраста, то есть людьми, находящимися *внутри* возрастных групп. Соответственно, F-статистика для классовых групп будет означать отношение ценностной вариации, объясняемой межклассовыми различиями, к вариации ценностей внутри классовых групп.

Рисунок 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ ПО ЦЕННОСТНОЙ ОСИ «ОТКРЫТОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯМ – СОХРАНЕНИЕ» В РОССИИ И ТУРЦИИ *(по данным ЕСИ-2008)*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ценностная дифференциация в России в сравнении с другими странами. Рассмотрим показатели ценностной дифференциации в России и других странах, основываясь сначала на наиболее интегральных показателях – ценностных осях *Открытость изменениям – Сохранение* и *Забота о людях и природе – Самоутверждение*, а затем на 7 ценностных индексах.

На рисунке 2 представлены стандартные отклонения индивидуальных значений по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение* от средних по странам, полученные на массиве данных ЕСИ и ВЦО. По данным ЕСИ Россия не имеет статистически значимых отличий от шести постсоциалистических стран – Украины, Болгарии, Латвии, Хорватии, Чехии и Словакии и значимо опережает население

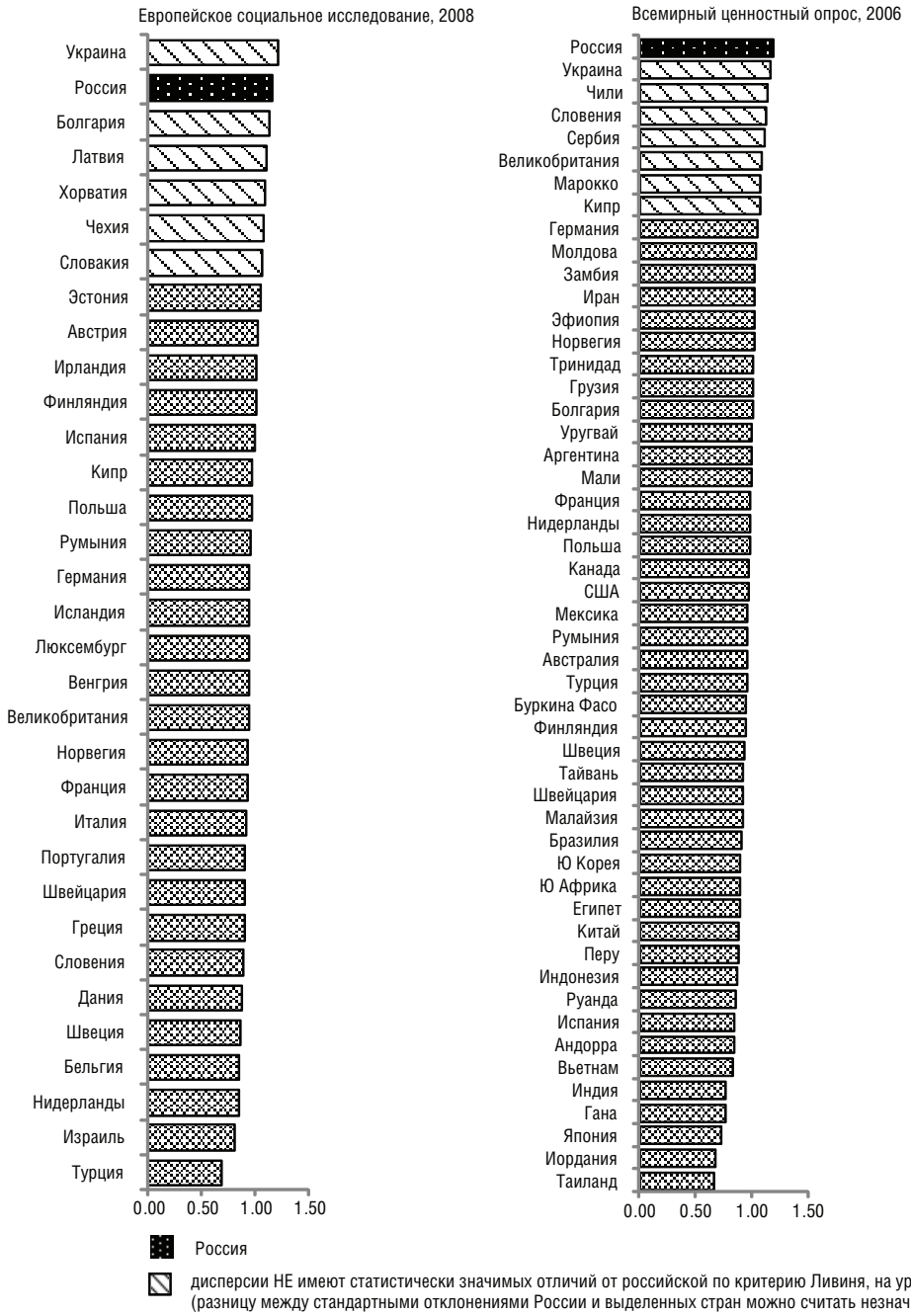
[1] Одна из причин выбора стандартного отклонения для описания ценностной дифференциации состоит в том, что оно выражается в единицах исходной шкалы, а не в квадратах значений исходной шкалы, как дисперсия. Важно также, что стандартное отклонение не зависит от числа людей в выборке.

[2] *Brown M.B.*, *Forsythe A.B.* Robust tests for the equality of variances // Journal of the American Statistical Association. 1974. No. 69. P. 364–367.

[3] *Schwartz S.H.*, *Sagie G.* Value Consensus and Importance… P.483.

Рисунок 2

СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ЦЕННОСТНОЙ ОСИ «ОТКРЫТОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯМ – СОХРАНЕНИЕ» В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ *(по данным ЕСИ-2008 и ВЦО-2006)*

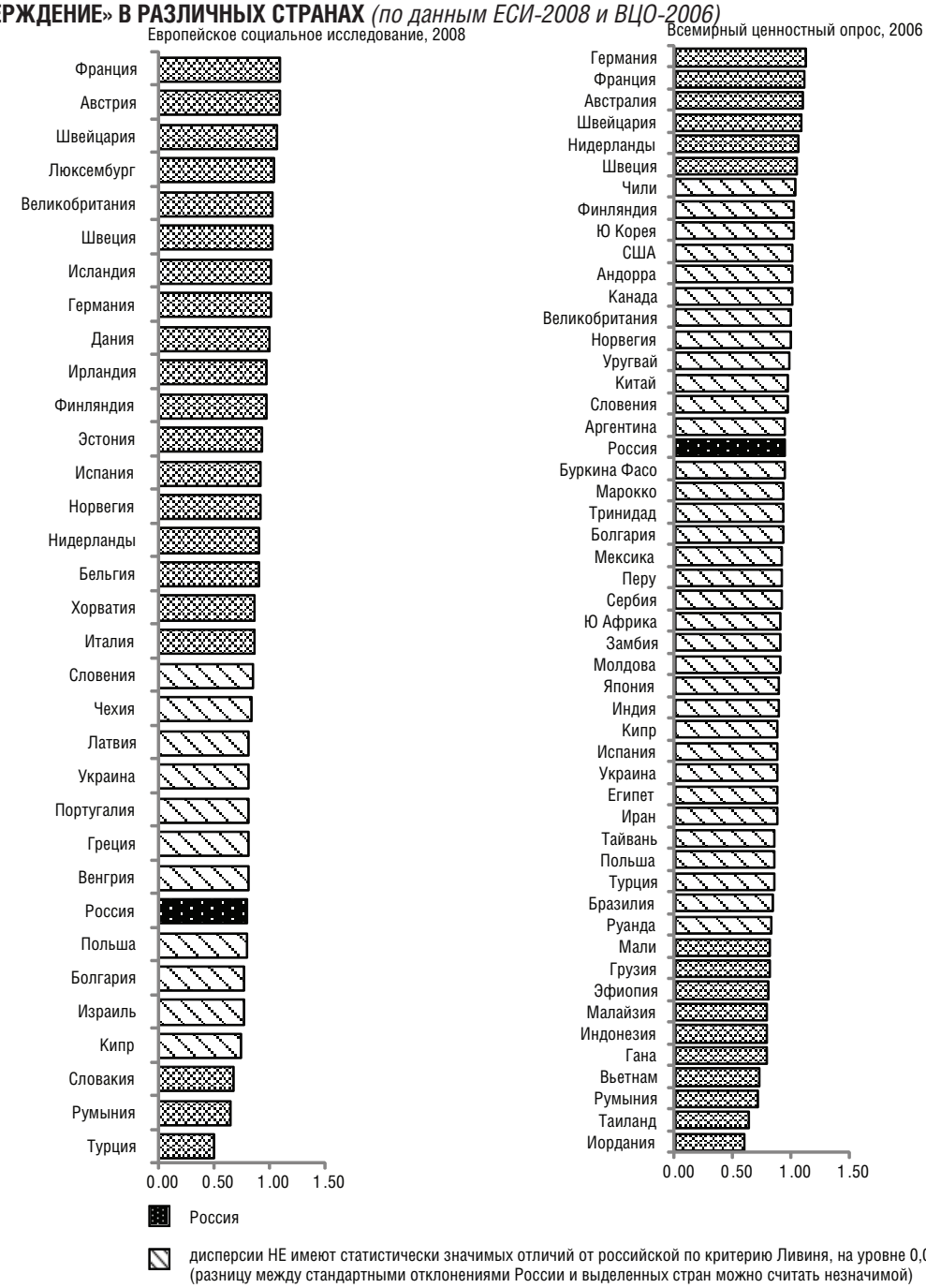


25 европейских стран[1]. По данным ВЦО Россия не отличается по ценностной разнородности от Украины, Чили, Словении, Сербии, Великобритании, Марокко и Кипра и статистически значимо опережает население 43 стран, участвовавших в исследовании. Таким образом, как по результатам Европейского социального исследования, так и по результатам Всемирного ценностного опроса, Россия занимает одно из первых мест по степени дифференциации населения по ценностям *Открытости изменениям – Сохранения* и близка по этому показателю к нескольким другим странам (большинство из которых – постсоциалистические).

[1] Стоит отметить, что по данным предыдущего, 3-го раунда ЕСИ, проведенного в 2006 г., Россия тоже занимала ведущее место по дифференциации населения по индивидуальным значениям ценностной оси Открытость изменениям – Сохранение (*Руднев М., Магун В.* Ценностный консенсус населения России в сравнении с населением других европейских стран / Доклад на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. URL: http://www.hse.ru/data/2010/04/02/1218246894/Rudnev_Magun_res_na_site.doc (ссылка верна на 28.02.2011)).

Рисунок 3

СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ЦЕННОСТНОЙ ОСИ «ЗАБОТА О ЛЮДЯХ И ПРИРОДЕ - САМОУТВЕРЖДЕНИЕ» В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ *(по данным ЕСИ-2008 и ВЦО-2006)*



По величине внутристрановой дифференциации индивидуальных значений по ценностной оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение* россияне схожи с бóльшим числом стран, чем в случае *Открытости изменениям – Сохранения* (рис. 3). В контексте стран, включенных в ЕСИ, Россия сдвинута в сторону относительно низкой дифференциации по ценностям *Заботы о людях и природе – Самоутверждения* – в массиве ЕСИ существует лишь 3 страны, население которых менее дифференцировано. Россияне же по этим ценностям менее дифференцированы, чем население 17 других европейских стран (преимущественно Западной и Северной Европы) и не отличаются по степени дифференциации от ряда постсоциалистических (Словения, Чехия, Латвия, Украина, Венгрия, Польша, Болгария) и средиземноморских (Португалия, Греция, Израиль, Кипр) стран[1]. Среди стран-участниц Всемирного ценностного опроса Рос-

[1] По данным третьего раунда ЕСИ, Россия занимала практически то же самое место. См. там же.

сию опережают по степени дифференциации 6 стран, а сама она опережает 10 стран. Таким образом, по результатам ВЦО, Россия находится примерно в середине диапазона, не имея статистически значимых отличий по степени ценностной дифференциации от 34 из 50 стран. Это различие между результатами, полученными на двух массивах данных, объясняется тем, что в ВЦО диапазон стран значительно шире, и если сузить круг стран ВЦО до европейских, то Россия снова окажется среди стран с более низкой дифференциацией по данной ценностной оси.

Если сравнить между собой показатели ценностной дифференциации *одних и тех же* стран по обеим ценностным осям, то можно заметить, что *все* постсоциалистические и средиземноморские страны Европы (среди включенных в ЕСИ) характеризуются большей дифференциацией по ценностям *Открытости изменениям – Сохранения*, чем по ценностям *Заботы – Самоутверждения*, а почти все страны Западной и Северной Европы, за исключением Норвегии, Финляндии и Ирландии характеризуются большей дифференциацией по ценностям *Заботы – Самоутверждения*, чем по ценностям *Открытости изменениям – Сохранения* (рис. 4).

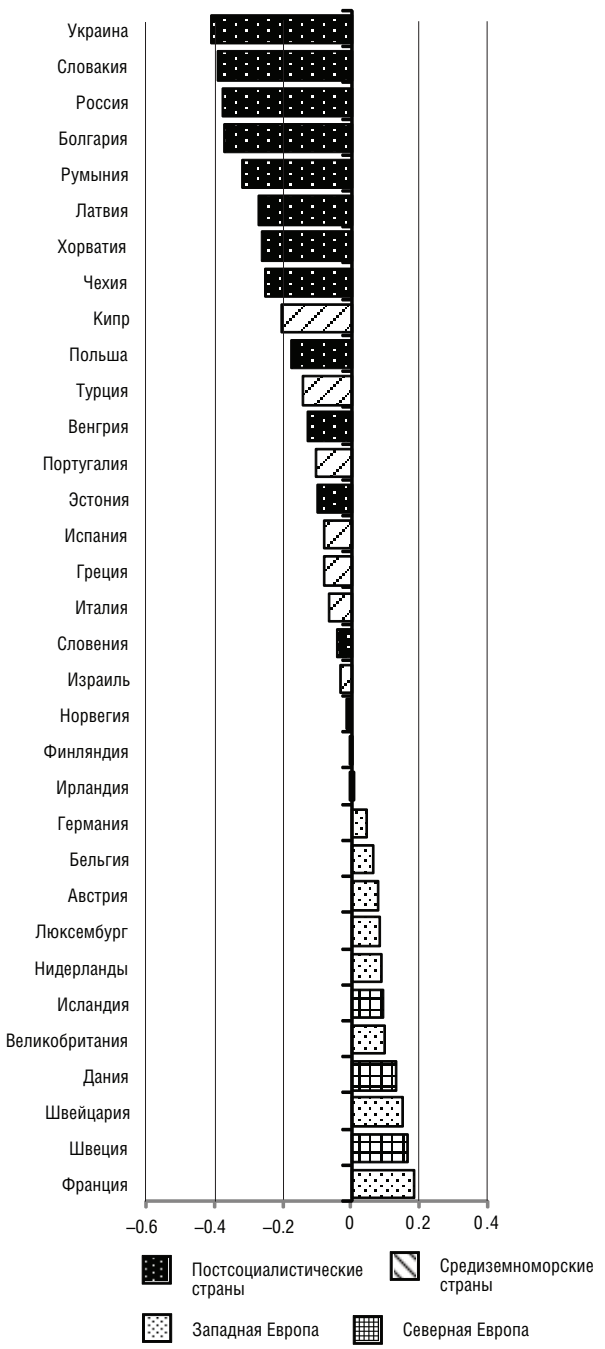
В таблице 1 приведены значения стандартных отклонений по семи ценностным индексам и двум ценностным осям по европейским странам в целом и отдельно по России, а также результаты сравнения российских показателей с показателями ценностной дифференциации в других европейских странах.

В первой колонке представлены средние показатели внутристрановой ценностной дифференциации по 33 европейским странам. Как видим, наибольшая дифференциация фиксируется по ценностям Риска-Новизны и Гедонизма, наименьшая – по ценностям Заботы о людях и природе.

В последующих колонках представлены данные о дифференциации ценностей в России и их сравнение с аналогичными показателями по другим европейским странам. Из таблицы видно, что по степени дифференциации всех ценностей, являющихся компонентами *Открытости изменениям – Сохранения*, российское население опережает население других европейских стран. Сильнее всего *относительно других европейских стран* население России дифференцировано по значимости ценностей Риска-Новизны (на 2 месте в ряду европейских стран, не отличается от 7 и опережает 25 стран), Гедонизма (на 3 месте в Европе, не отличается от 3 и опережает 29 стран) и Конформности-Традиции (на 5 месте, не отличается от 20, опережает 12 стран). По Безопасности и Самостоятельности Россия также занимает верхние места в европейском диапазоне – ее стандартное отклонение в большинстве случаев *превосходит* аналогичный показатель других европей-

Рисунок 4

РАЗНИЦА МЕЖДУ ВНУТРИСТРАНОВЫМИ СТАНДАРТНЫМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ЦЕННОСТНЫМ ОСЯМ «ОТКРЫТОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯМ – СОХРАНЕНИЕ» И «ЗАБОТА О ЛЮДЯХ И ПРИРОДЕ – САМОУТВЕРЖДЕНИЕ В РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ» *(по данным Европейского социального исследования – 2008)*



ских стран[1]. Таким образом, при рассмотрении отдельных ценностных индексов мы приходим к тому же выводу о России как о лидере внутристрановой дифференциации по ценностям Открытости изменениям и Сохранения, к которому мы пришли ранее при анализе разброса индивидуальных значений по соответствующей ценностной *оси* (см. рис. 2).

Сложнее обстоит дело с дифференциацией российского населения по ценностям Заботы о людях и природе и Самоутверждения. Хотя эти два ценностных индекса являются полярными компонентами одной и той же ценностной оси, степень дифференциации российского населения по ним резко различается. По внутристрановой дифференциации значений Заботы о людях и природе, как и по большинству других ценностных индексов, Россия тяготеет к более высокому уровню дифференциации (по величине стандартного отклонения она отстает лишь от 1 и опережает 12 стран)[2]. В отношении же ценностей Самоутверждения россияне демонстрируют наименьшую относительно других стран дифференциацию (или наибольший консенсус) – это единственный индекс, по которому Россия находится в нижней части европейского диапазона (не отличаясь по степени дифференциации от 15 стран, опережая лишь 4 страны и отставая от 13 стран)[3]. Поскольку по индивидуальным значениям респондентов на оси *Забота – Самоутверждение* Россия характеризуется сравнительно *низкой дифференциацией* (см. левую часть рис. 3 и нижнюю строчку в табл. 1), то это значит, что тенденция к низкой дифференциации по Самоутверждению оказывается более выраженной, нежели тенденция к более высокой дифференциации по Заботе о людях и природе[4].

Возраст и социальный класс как факторы внутристрановой ценностной дифференциации. Для проверки гипотезы, касающейся дифференцирующей силы возрастной и классовой принадлежности респондентов, выделим в населении каждой страны возрастные и классовые группы и оценим межгрупповую ценностную дифференциацию с помощью F-статистики. По возрасту все респонденты были разбиты на 6 групп: 15-23 года, 24-29 лет, 30-39 лет, 40-49 лет, 50-61 год и 62 года и старше[5]. Классовые группы были выделены на основе широко признанной международной классификации, разработанной Р.Эриксоном, Д. Голдторпом и Л. Портокареро – EGP, которая разделяет население на 11 социально-профессиональных групп от топ-менеджеров до сельхозрабочих[6]. В таблице 2 представлены F-статистики для России, характеризующие влияние социально-классовой принадлежности и возрастных различий на семь ценностных индексов и две ценностные оси. Здесь же указаны сводные результаты по F-статистикам, рассчитанным для 33 европейских стран, а также ранги российских F-статистик среди аналогичных показателей для всех европейских стран.

Как видно из таблицы, в России F-статистики, оценивающие влияние принадлежности к возрастным группам, статистически значимы и многократно превышают F-статистики для социально-классовых групп по всем ценностным индексам, за исключением ценностной оси

---

[1] Стоит отметить, что те же самые ценности являются и общеевропейскими лидерами по дифференциации, однако тут мы фиксируем относительную позицию России, никак не связанную с абсолютными общеевропейскими показателями.

[2] Особенно высок внутрироссийский разброс значений таких исходных показателей, составляющих этот индекс, как ценность «понимания людей с иной точкой зрения», «помощи окружающим» и «верной дружбы».

[3] Если обратиться к исходным показателям, образующим ценностный индекс *Самоутверждение*, то обнаружим, что в России высока степень согласия между людьми относительно большой важности успеха, уважения со стороны окружающих и выполнения ими воли респондента. Но, что примечательно, подобного консенсуса не наблюдается в отношении ценности «богатства». Последнее, в сочетании с тем фактом, что по значимости «богатства» Россия опережает практически все европейские страны, оказывается возможным, поскольку в стране существует, как значительное количество людей крайне высоко ценящих богатство, так и достаточно заметная доля людей, не придающих богатству столь высокой значимости. В распределении россиян по значимости “богатства”, в отличие от большинства европейских стран, существует длинный “хвост” низко ценящих “богатство” респондентов. Так, например, на участке шкалы, соответствующем относительно низкой значимости “богатства” (нижняя треть российского диапазона значений) находится всего 7% выборки, а на участке с наиболее высокой значимостью – 32%, в то время как, например, в Германии и на нижнюю, и на верхнюю трети германского диапазона приходится по 17% респондентов.

[4] Результаты сравнения дифференциации по ценностным индексам не всегда совпадают с результатами сравнения по ценностным осям, поскольку, напомним, ценностные оси не являются простым продуктом сложения отдельных индексов, а имеют более сложную структуру, полученную с помощью факторного анализа.

[5] Такое разделение на возрастные группы наиболее эффективно отражает возрастные различия и является результатом специально предпринятого кластерного анализа, в котором единицами были средние по каждому году ценностные индексы.

[6] Теоретическое и эмпирическое обоснование и более подробное описание ранней версии этой классовой схемы см.: *Erikson R.*, *Goldthorpe J.*, *Portocarero L.* Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies: England, France and Sweden // The British Journal of Sociology. Vol. 30, № 4. 1979. P. 415–441. О классификации по этой схеме респондентов в Европейском социальном исследовании см.: *Leiulfsrud H.*, *Bison I.*, *Jensberg H.* Social Class in Europe. European Social Survey 2002/2003. NTNU Social Research Ltd., 2002. http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_social_class.pdf

Таблица 1

СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ 7 ЦЕННОСТНЫХ ИНДЕКСОВ И 2 ЦЕННОСТНЫХ ОСЕЙ В РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ *(по данным Европейского социального исследования, 2008г.)**

Ценностные показатели	Средняя величина стандартного отклонения по 33 европейским странам	Величина стандартного отклонения в России	Ранг величины стандартного отклонения в России среди 33 стран	Число европейских стран, в которых стандартное отклонение…		
				ниже, чем в России**	не отличается от российского	выше чем в России
Безопасность	0,81	0,84	11	14	14	4
Конформность-Традиция	0,74	0,81	5	12	20	0
Самостоятельность	0,76	0,79	8	11	17	4
Риск-Новизна	1,00	1,10	2	25	7	0
Гедонизм	0,95	1,13	3	29	3	0
Забота о людях и природе	0,51	0,54	9	12	19	1
Самоутверждение	0,68	0,67	20,5	4	15	13
Ось Открытость изменениям – Сохранение	0,96	1,16	2	26	6	0
Ось Забота о людях и природе – Самоутверждение	0,88	0,78	26,5	3	11	18

* Исходные шкалы ценностных индексов и ценностных осей неодинаковы, поэтому величины стандартных отклонений можно сравнивать только внутри каждой из этих двух групп переменных.

** Статистическая значимость различий между стандартным отклонением в России и в других странах проверялась с помощью критерия Ливиня, $p<0,001$.

Забота – Самоутверждение. F-статистики же, оценивающие влияние социально-классовой принадлежности, невелики, а для ценностей Риска-Новизны, Гедонизма и Заботы – вообще статистически незначимы.

Межвозрастные ценностные различия в России сильнее, чем в большинстве других европейских стран: ранг соответствующих российских F-статистик в ряду европейских стран не превышает 6 (за исключением значения F-статистики для оси *Забота – Самоутверждение*). Межклассовые же различия в России относительно сильно (в сравнении с другими европейскими странами) влияют на дифференциацию лишь по ценностям Самоутверждения и Самостоятельности. По остальным ценностям F-статистики классовой дифференциации российского населения находятся в середине или в нижней части европейского диапазона. Таким образом, величина возрастных (и стоящих за ними межпоколенных) ценностных различий значительно сильнее выделяет Россию среди других стран, чем величина межклассовых ценностных различий[1].

F-статистики для ценностной оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение* в России занимают одно из последних мест и являются незначимыми как при использовании классовой схемы, так и при использовании возрастных групп. Другими словами, дифференциация значений по этой оси в России не связана ни с межвозрастными, ни с классовыми различиями, и, возможно, определяется другими факторами.

Похожая картина наблюдается и по другим европейским странам, являющимся объектом нашего анализа. Как видно из той же таблицы, средние F-статистики, оценивающие влияние возрастных различий, по всем ценностным показателям выше (а по большинству из них – многократно выше), чем соответствующие F-статистики, оценивающие влияние классовых различий. Кроме того, «возрастные» F-статистики для подавляющего большинства ценностных показателей статистически значимы во всех рассматриваемых странах, а «классовые» – в гораздо меньшем числе стран.

Анализ F-статистик позволил оценить влияние двух факторов – возраста и социально-классовой принадлежности – на ценностную дифференциацию. Однако оба эти фактора

[1] Недавно опубликованная работа, рассматривающая политические ценности, также демонстрирует значительно более низкий уровень их классовой дифференциации в России по сравнению с тремя другими странами, см.: *Хавенсон Т.Е., Миголь Е.В.* Социально-профессиональный статус и политические ценности. Сравнительный анализ: Россия, Германия и США: препринт WP14/2011/02; Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Таблица 2

ЦЕННОСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕЖДУ КЛАССОВЫМИ И ВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ В РОССИИ И 33 ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ, ОЦЕНЕННАЯ С ПОМОЩЬЮ F-СТАТИСТИК

Ценностные показатели	Значения F-статистик в России, когда фактором дифференциации выступают:		Ранги российских F-статистик относительно других европейских стран, когда фактором дифференциации выступают:		Средние значения F-статистик в 33 европейских странах (включая Россию), когда фактором дифференциации выступают:		Число стран, в которых F-статистики статистически значимы (при p<0.05), когда фактором дифференциации выступают:	
	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы
Безопасность	4,8*	47,4*	15	3	4.9	26.9	22	33
Конформность-Традиция	9,1*	126,3*	9	2	8.1	75.0	30	33
Самостоятельность	8,9*	18,4*	6	5	6.6	9.6	25	24
Риск-Новизна	2,9	78,1*	20	6	3.5	57.6	10	33
Гедонизм	1,9	91,3*	23	3	3.3	47.4	6	33
Забота о людях и природе	3,0	68,5*	17	1	3.3	23.2	9	33
Самоутверждение	7,0*	69,7*	4	1	3.9	27.0	16	32
Ось «Открытость изменениям – Сохранение»	5,7*	163,1*	14	3	5.9	92.2	24	33
Ось «Забота о людях и природе – Самоутверждение»	1,6	1,5	29	29	3,9	5,5	17	16

* F-статистика значимо отличается от нуля на уровне p<0,05.

могут оказаться взаимозависимыми, поскольку классовая структура может быть связана с возрастной. Чтобы определить изолированное («чистое») влияние каждого из факторов, мы предприняли множественный регрессионный анализ, куда в качестве независимых переменных включили обе вычисленные для каждой страны F-статистики.

Регрессионный анализ осуществлялся на страновом уровне, всего в нем участвовало 33 европейских страны. Зависимыми переменными, отражающими величину внутристрановой индивидуальной ценностной дифференциации, были стандартные отклонения от страновой средней. В качестве независимых переменных выступали оценки социально-классовой и возрастной ценностной дифференциации, выраженные в описанных выше F-статистиках. В качестве контрольной переменной была включена средняя по стране величина субъективной значимости соответствующей ценности. С помощью этой регрессии можно определить степень влияния двух видов *межгрупповой* ценностной дифференциации на *межиндивидуальную* ценностную вариацию внутри страны. До сих пор эти два типа вариации изучались отдельно, мы же исходим из того, что межиндивидуальная дифференциация является результирующей различных групповых влияний[1]. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 3, каждая строка этой таблицы представляет отдельное регрессионное уравнение.

Как видим, «очищенные» влияния возрастных различий на индивидуальную ценностную дифференциацию значимы для 4 из 7 ценностных индексов и для ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение*; все значимые коэффициенты имеют положительный знак. Это говорит о том, что межвозрастные различия по ценностям Конформности-Традиции, Гедонизма, Заботы, и Самоутверждения, а также по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение* вносят значимый вклад в индивидуальную дифференциацию населения по этим

[1] Включение F-статистики и стандартного отклонения в одно уравнение вполне корректно, поскольку стандартное отклонение – это величина, пропорциональная дисперсии, а F-статистика – это соотношение дисперсий. И поэтому сами по себе алгоритмы вычислений этих двух показателей не задают какого-то определенного знака связи между ними.

Таблица 3

СТАНДАРТИЗИРОВАННЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ ЛИНЕЙНОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ ДЕВЯТИ РЕГРЕССИОННЫХ УРАВНЕНИЙ. РЕГРЕССИИ ВЫПОЛНЕНЫ НА СТРАНОВОМ УРОВНЕ (N=33 страны). ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ – СТРАНОВЫЕ СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ПО СЕМИ ЦЕННОСТНЫМ ИНДЕКСАМ И ДВУМ ЦЕННОСТНЫМ ОСЯМ

Зависимые переменные: внутристрановая межиндивидуальная дифференциация (стандартные отклонения) по ценностям:	Независимые переменные:			
	Показатель различий в значимости данной ценности между социально-классовыми группами EGP (F-статистика)	Показатель различий в значимости данной ценности между возрастными группами (F-статистика)	Средний уровень значимости данной ценности	Качество модели (R^2)
Безопасность	0,16	0,18	–0,53*	0,29
Конформность-Традиция	–0,14	0,60*	–0,38*	0,33
Забота о людях и природе	0,05	0,43*	0,55*	0,34
Самостоятельность	0,29	–0,35	0,04	0,15
Риск-Новизна	–0,08	0,19	–0,29	0,16
Гедонизм	–0,25*	0,59*	–0,57*	0,83
Самоутверждение	0,03	0,42*	–0,56*	0,59
Ось «Открытость изменениям – Сохранение»	–0,001	0,60*	0,22	0,50
Ось «Забота о людях и природе – Самоутверждение»	0,11	–0,02	–0,83*	0,76

* Коэффициент значим на уровне $p \leq 0,05$.

ценностям. На величину дифференциации по ценностям Безопасности, Самостоятельности и Риска-Новизны возрастные различия значимого влияния не оказывают[1].

Влияние межклассовых ценностных различий на индивидуальную ценностную дифференциацию в европейских странах по большинству ценностей статистически не значимо. Значим (и отрицателен) лишь коэффициент по ценности Гедонизма, но, по сравнению с влиянием возрастного фактора, он невелик.

Таким образом, влияние возрастных различий на внутристрановую дифференциацию ценностей, действительно, оказывается явно более существенным, чем влияние социально-классовых различий, причем речь идет об «очищенных» влияниях, когда контролируются оба рассматриваемых вида групповых различий, а также среднестрановая субъективная значимость ценностей.

Регрессионный коэффициент, характеризующий связь средней по стране субъективной важности ценностей с индивидуальной дифференциацией оказался тоже статистически значим для большинства ценностей. Показатели индивидуальной дифференциации по ценностям Безопасности, Конформности-Традиции, Гедонизма и Самоутверждения оказались связаны со среднестрановой значимостью этих ценностей отрицательно, т.е. более высокая среднестрановая значимость этих ценностей соответствует более низкой дифференциации[2]. Противоположная по направлению связь имеет место для ценности Заботы о людях и природе: ее значимость связана с дифференциацией положительно, и это означает, что в странах с более высокой приверженностью Заботе дифференциация по ней оказывается выше, а в странах, где приверженность Заботе низка, низки и величины дифференциации[3].

Значимость ценностей по оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение* связана с внутристрановой дифференциацией этих ценностей отрицательно, причем эта связь очень сильна. Иными словами, чем выше значимость ценностей Самоутверждения (в ущерб Заботе), тем

[1] В моделях, в которых зависимыми переменными являются дифференциации по ценностям Риска-Новизны и Самостоятельности, ни один из коэффициентов не является значимым и поэтому качество моделей низкое (R^2 равен, соответственно, 0,15 и 0,16).

[2] Вывод о преобладании положительных связей между значимостью ценности для населения страны и внутристрановым консенсусом подтверждается и на уровне простых корреляционных сопоставлений. При этом наибольшие корреляции между дифференциацией по ценности и ее значимостью в стране прослеживаются по ценностной оси З*абота о людях и природе – Самоутверждение* (-0,87) и отдельным ценностным индексам: Безопасности (-0,52), Риска-Новизны (-0,39), Гедонизма (-0,74), Самоутверждения (-0,63) и Заботы о людях и природе (0,43).

[3] Рассмотрение среднестрановой значимости ценностей в качестве независимой переменной, влияющей на ее внутристрановое разнообразие, является лишь одним из вариантов соотношения между двумя этими переменными. Вполне допустимо рассмотрение и обратной связи, в которой степень дифференциации выступала бы причиной значимости ценности, или рассмотрение обоих этих показателей как параллельных следствий какой-то третьей переменной.

ниже дифференциация вокруг этих ценностей, а чем более значимы для населения страны ценности Заботы (в ущерб Самоутверждению), тем более дифференцировано население этой страны. Такая сильная взаимосвязь – это результат наложения двух тенденций: положительной связи между дифференциацией и значимостью Заботы о людях и природе и отрицательной связи – по ценностям Самоутверждения. (Отметим, что влияния на зависимую переменную со стороны возрастных и классовых различий в данной модели статистически незначимы).

Описанные связи между значимостью и страновыми стандартными отклонениями указывают на то, что существует взаимосвязь между средней по стране значимостью ценности и формой ее внутристранового распределения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты, в целом, согласуются с выдвинутыми нами гипотезами.

Мы предполагали (гипотезы №№ 1 и 3), что постсоциалистические страны будут отличаться более низким, чем другие европейские страны, ценностным консенсусом, и что эта закономерность, прежде всего, проявится в отношении консенсуса по ценностям *Открытости изменениям – Сохранения*. Приведенные на рисунке 2 и 3 рейтинги европейских стран по величине ценностного консенсуса свидетельствуют о том, что по ценностной оси *Открытость – Сохранение* наименьший консенсус, действительно, имеет место в постсоциалистических странах Европы, которые сравнительно недавно прошли через радикальные социальные трансформации. В то же время в отношении консенсуса, касающегося ценностной оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение,* подобной закономерности не наблюдается.

Мы также предполагали (гипотеза № 2), что внутристрановые различия по базовым ценностям между возрастными группами являются очень существенным фактором, влияющим на межиндивидуальный ценностный консенсус внутри страны, и фактором гораздо более сильным, чем межклассовые различия. Эта гипотеза подтвердилась – и при сравнении влияний каждого из упомянутых факторов в отдельности, и при регрессионном анализе, в котором влияние каждого из этих факторов рассматривалось при контроле за действием другого.

Возрастные различия в данном случае рассматриваются нами как индикаторы межпоколенных сдвигов в базовых ценностях населения – сдвигов, которые являются и следствиями, и движущими силами социальных, экономических, политических и культурных изменений. Иными словами, высокая внутристрановая дифференциация ценностей населения постсоциалистических стран вызвана, в первую очередь, различиями между ценностями молодых и старших поколений. Неудивительно, что наименьший консенсус и наибольшая дифференциация ценностей наблюдается в России. Именно Россия была цитаделью социализма, поэтому наблюдающиеся здесь межпоколенные ценностные сдвиги, происшедшие под влиянием революционной трансформации конца 1980-х-начала 1990-х гг. вполне могли оказаться наибольшими в сравнении с другими бывшими социалистическими странами[1]. Понятно, что если социальные трансформации имеют более давний срок – такой, как например, революция 1968 года в несоциалистических странах Европы, то их влияние на ценностный консенсус к началу 2000-х годов оказывается стертым: большинство населения этих стран прошло социализацию и прожило бóльшую часть жизни уже в постреволюционных условиях[2].

Мы не выдвигали предположений *о связи между значимостью ценностей и консенсусом*. В нашем исследовании мы включили показатель среднестрановой значимости ценности в качестве контрольной переменной в регрессию, где зависимой переменной выступало стандартное отклонение как показатель межиндивидуального консенсуса в стране. По результатам анализа, четыре из семи ценностных индекса (Безопасность, Конформность-Традиция, Гедонизм и Самоутверждение) демонстрируют статистически значимые отрицательные связи значимости с дифференциацией (бóльшая среднестрановая значимость ценности соответствует большему консенсусу населения по

[1] В одном из предшествующих исследований мы продемонстрировали наличие существенных межпоколенных ценностных различий среди российского населения (См.: *Магун В.*, *Руднев М.* Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика, 2010. №9–10. С. 65–72).

[2] При сопоставлении нормативных взглядов на семью у россиян и французов выяснилось, что в России статистически значимые различия между молодежью и старшими поколениями проявляются уже в группе 40–49-летних, а затем сохраняются и в более старших возрастах; во Франции же, пережившей глубокие социокультурные трансформации на 20 лет раньше, значимые различия появляются только у 60-летних. См.: *Магун В.С.* Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 2 / Под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. Москва: НИСП. С. 139–162.

этой ценности), и только в отношении ценностей *Заботы о людях и природе* наблюдается позитивная связь, при которой б*о*льшая среднестрановая значимость соответствует, наоборот, меньшему консенсусу. Те же по смыслу соотношения проявились и в простых парных корреляциях между среднестрановой значимостью ценности и консенсусом вокруг нее среди населения страны.

Мы полагаем, что *Забота о людях и природе* принадлежит к числу ценностей, формирование которых требует наибольших образовательных и воспитательных усилий со стороны общества и самого человека. Не все общества могут мобилизовать ресурсы для подобных усилий, и даже тем обществам, которые могут себе это позволить[1], не удается охватить этими усилиями всех своих членов – отсюда неравномерность достигаемых при этом воспитательных результатов. Это похоже на неравномерность образовательного уровня, и, по аналогии, нетрудно представить, что в неграмотной стране (т.е. в нашем случае – стране с низким уровнем ценностей Заботы) внутристрановая дифференциация образовательного уровня будет ниже, а консенсус – выше, в сравнении со страной, где население широко вовлечено в образовательные процессы (или в нашем случае, где средняя приверженность ценностям Заботы более высока).

Если продолжить эту линию рассуждений, то можно заметить, что в отношении ценностей Безопасности, Конформности-Традиции, Гедонизма и Самоутверждения, значимость которых связана с консенсусом положительно, действует противоположная закономерность. Их формирование происходит под влиянием таких социальных факторов, которые императивно и *примерно одинаково* действуют на значимость этих ценностей *у всех членов общества*. Например, наличие угроз, возникающих вследствие определенной институциональной среды, порождает универсальную значимость Безопасности; бедность страны ведет к универсальной значимости у ее населения ценности Самоутверждения, наличие в стране дисциплинирующего давления общества и государства, или культа традиции, воспитывает у всего ее населения ценности Конформности и Традиции. В этих случаях, специальные усилия со стороны общества или самого человека приходится, наоборот, прилагать для того, чтобы снизить приверженность указанным ценностям. И поскольку имеющиеся для этого ресурсы всегда ограничены и ими не удается охватить всех членов общества, то это и порождает бóльшую неравномерность в приверженности людей этим ценностям в странах, где их средние значения оказались невысоки.

Обратим внимание, что в нашей трактовке ценности Безопасности, Самоутверждения и Конформности-Традиции формируются в обществах как результат тех или иных социальных *ограничений*, а ценность Заботы – как следствие возникающих в обществе *возможностей*. Консенсус по базовым ценностям обычно рассматривается как предпосылка сотрудничества и кооперации в обществе, а диссенсус – наоборот, как предпосылка конфликтов и культурных войн[2]. Однако, наши результаты показывают, что дело обстоит сложнее. Например, в России есть лишь одна ценность в отношении которой имеется высокий внутристрановой консенсус, и это – Самоутверждение. Но ведь это как раз та ценность, консенсус вокруг которой по самому ее смыслу едва ли способствует развитию успешной кооперации: понимание того, что окружающие люди готовы пренебречь чужим благополучием для достижения собственного, порождает скорее недоверие и нежелание сотрудничать. Похожие по смыслу выводы можно сделать и применительно ко всему множеству европейских стран: высокий консенсус вокруг ценности Заботы связан в этих странах с ее *низкими* страновыми значениями, а высокий консенсус по ценностям Безопасности, Самоутверждения и Гедонизма – наоборот, с *высокими* страновыми значениями этих ценностей. Таким образом, применительно к тем базовым ценностям, которые были предметом рассмотрения в данной статье, тезис о консенсусе как предпосылке сотрудничества и кооперации в обществе, применим лишь частично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутристрановой консенсус по базовым ценностям, выделенным Ш. Шварцем, измерялся в 33 европейских странах, включая Россию, величиной стандартного отклонения индивидуальных ценностных индексов от страновых средних.

В статье показано, что Россия принадлежит к числу европейских стран с низким межиндивидуальным ценностным консенсусом по боль-

[1] Как мы показали ранее, это, прежде всего, страны с более высоким уровнем валового национального дохода на душу населения, который является индикатором общего высокого уровня экономического и социального развития (См.: *Магун В.С.*, *Руднев М.Г.* Жизненные ценности российского населения).

[2] О культурных войнах см.: *Hunter J.D.* Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books. 1991.

шинству базовых ценностей, а по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение* и таким ее компонентам, как Конформность-Традиция, Риск-Новизна и Гедонизм, – к числу стран с наименьшим консенсусом. Большинство других европейских постсоциалистических стран тоже характеризуются низким консенсусом по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение*, но, как правило, не такой низкий как в России.

Установлено, что сильной детерминантой внутристрановых различий людей по базовым ценностям являются межпоколенные различия, влияние которых оказывается гораздо более существенным, чем влияние социально-стратификационных (классовых) различий. Именно это обстоятельство и объясняет высокую ценностную дифференциацию (низкий консенсус) в России и других постсоциалистических странах, где налицо наиболее заметные ценностные разрывы между поколениями, возникшие под влиянием революционных трансформаций конца 1980-х-начала 1990-х гг., и, в свою очередь, способствовавшие дальнейшим социальным изменениям.

Несмотря на то, что средняя значимость ценности в стране и ее внутристрановая дифференциация – это разные показатели, в статье показано, что они связаны. С ростом средней по стране приверженности таким ценностям, как Безопасность, Конформность-Традиция, Самоутверждение и Гедонизм, внутристрановой консенсус по этим ценностям повышается, а с ростом приверженности страны ценностям Заботы о людях и природе консенсус, наоборот, снижается. Предложены объяснения этих взаимосвязей, основанные на разделении «естественного» состояния общества по отношению к той или иной ценности и тех состояний, для достижения которых от общества требуется мобилизация дополнительных ресурсов и усилий, которые, в силу своей ограниченности, распределяются неравномерно.

Поскольку внутристрановой консенсус часто связан с самой степенью выраженности у населения страны соответствующих ценностей, то тезис о консенсусе по базовым ценностям как предпосылке сотрудничества и кооперации в обществе оказывается не всегда справедлив.

of migration of various types (labour, educational, etc.) was taking place which in its main features is normal in contemporary world. The share of people who think of leaving the country in this or that way remains stable and rather high in Russia. These dispositions have increased during last year and 22% of adult Russian respondents in May 2011 reported their wish to leave Russia, the share of those who had made «a resolute decision» and «were preparing for departure» being below 3%. The share of those who had never thought of departure has evidently decreased recently.

Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries (by Maksim Rudnev and Vladimir Magun). Within-country value consensus on Schwartz basic human values was measured in 33 European countries (Russia including) by the standard deviation of value indexes individual scores from the country averages. As compared to the other countries Russia has low value consensus on most of the values and the lowest one on value axis *Openness to Change – Conservation* and such its constituents as Conformity –Tradition, Stimulation and Hedonism. The most of ex-communist countries has low value consensus on *Openness to Change – Conservation* as well. The intergenerational cleavage is the single most influential determinant of within-country value differences much more important than social class cleavages. This is why such a low value consensus takes place in Russia and other ex-communist countries – these very countries where the largest generation gap has happened due to revolutionary transformations of the end of 1980-ies and beginning of 1990-ies. In spite of the difference in meaning between such measures as the country value average and consensus on this value they are not independent. With increase of average commitment to Security, Conformity-Tradition, Self-Enhancement and Hedonism the within-country consensus on each of this value increases also, and with increase of commitment to Self-Transcendence consensus goes down. Taking into account these relationships and the explanation suggested the authors conclude that widely approved thesis on consensus as a prerequisite of cooperation between members of society has only limited warranty.

Discussions of the Soviet Past in the Net Community «In Contact» (by Vera Zvereva). The author analyzes «the languages of memory» (selection of historical events, their interpretation, conflicts of both) in comparative aspect on the material of memories about the events of the Russian and Ukrainian history of the XXth century in Internet discussions in these two countries. Turning to history is for the participants first of all a means of collective identification, of establishing their belonging to national society on the whole, large collectives, a particular family. Special attention is paid to the analysis of poorly as yet studied effects of Internet as a new medium transforming communication in its own way: the author comes to a conclusion that a type of connection which is established by the design of social nets smoothes the differences in the contents of messages and provides a space for the participants where communication for the sake of communication is becoming more and more significant for them.

Scientific Life. Vladimir Paniotto describes and comments on reports and discussions of International Conference «Crisis in Survey Methods and the Ways of its Overcoming» that took place in Kiev in October 2011.